

А. П. Мартемьянов

К вопросу о романизации сельского населения фракийских земель в первых веках н. э.

В течение нескольких последних десятилетий круг научных интересов проф. В. И. Кадеева определяется изучением античной истории не только Северного Причерноморья, но и фракийских земель, на которых в первых веках н. э. размещались римские провинции Нижняя Мезия и Фракия. В свое время Владимир Иванович предложил заняться исследованием истории восточнобалканских провинций Рима и мне — тогда имевшему весьма смутное представление даже о том, где они находились. Хорошо помню ту растерянность, которую мне пришлось ощутить на начальном этапе работы со специальной литературой по истории Фракии и Нижней Мезии — казалось, что болгарскими учеными она исследована с исчерпывающей полнотой. А ведь Кадеев, лично знакомый со многими ведущими болгарскими антиковедами и прекрасно знавший их труды, утверждал, что именно римский период истории фракийских земель является едва ли не самым перспективным для дальнейшего изучения! Как же так? Но со временем стало ясно, насколько прав оказался в своем утверждении маститый ученый — источники по истории Нижней Мезии и Фракии обеспечат работой, думается, еще многие поколения антиковедов. А я с теплотой и благодарностью вспоминаю те первые беседы с Владимиром Ивановичем четверть века назад, которые, как позднее выяснилось, во многом определили и весь мой дальнейший жизненный путь, и, в какой-то мере, выбор сюжета для этой небольшой статьи.

Среди множества дефиниций понятия «романизация» одним из самых удачных представляется определение, в свое время предложенное О. В. Кудрявцевым во «Введении» к задуманной им, но, увы, оставшейся незаконченной монографии о балкано-дунайских провинциях ранней Римской империи: «В широком смысле романизация представляет собой распространение хозяйственных, социальных, политических и культурных форм, свойственных коренным областям римского мира, на территорию романизирующихся провинций. С этой точки зрения и изменения в хозяйственном быте новых провинций под влиянием римского завоевания, и распространение античной формы собственности, и урбанизация — все эти явления представляют собой составные части процесса романизации. В узком смысле этого слова, более общепринятом, но не охватывающем всей глубины рассматриваемого процесса, под романизацией понимается распространение латинского языка,

римских бытовых навыков и римской культуры»¹. Думается, романизацию действительно следует воспринимать как чрезвычайно многогранное явление, при изучении которого необходимо уделять внимание процессам усвоения провинциалами римско-италийских как культурных и социально-политических, так и *хозяйственных* форм. Не случайно в последнее время исследователи истории римских провинций все чаще обращаются к изучению различных проявлений *экономической* романизации населения зависимых от Рима стран. Применительно к сельским жителям, несомненно, составлявшим большинство провинциалов², она могла выражаться в различных формах, и прежде всего — связанных с техническим оснащением и организацией производственных процессов. Наглядным подтверждением этого являются материалы раскопок античных центров на территории Нижней Мезии и Фракии.

Несомненный интерес представляет вопрос о степени римского влияния на формирование во фракийских землях античной системы сельскохозяйственных орудий. Мнения ученых на этот счет существенно расходятся.

С точки зрения Ж. Н. Выжаровой³, влияние Рима на материальную культуру восточнобалканских провинций проявилось главным образом в ремесле, и нет оснований распространять его на область применения земледельческих орудий, которые в первых веках н. э., как и ранее, изготавливались местным, фракийским населением. Такое мнение возникает у исследовательницы на основании проведенного ею анализа найденных на территории современной Болгарии античных и средневековых наконечников пахотных орудий. Считая происхождение черешковых наральников фракийским, а втульчатых славянским⁴, Ж. Н. Выжарова приходит к выводу о том, что в римский период на исследуемой территории продолжали пользоваться исключительно пахотными орудиями прежних форм и никаких существенных изменений в земледелии не произошло. Дальнейшее усовершенствование сельскохозяйственных орудий труда, по ее мнению, следует связывать уже с появлением здесь славян. Однако втульчатые наральники, несомненно, получают распространение в восточнобалканских землях именно в первых веках н. э.⁵, поэтому доводы Ж. Н. Выжаровой не представляются достаточно убедительными.

Л. Дуков справедливо указывает на существование в Нижней Мезии и Фракии древних местных земледельческих традиций и подчеркивает их важную роль в аграрном развитии восточнобалканских провинций Рима⁶. Однако при этом, рассматривая античные пахотные, рыхлящие и режущие орудия⁷, он не приводит в их числе *ни одного*, определенно датированного доримским временем. Очевидно, это и позволяет исследователю говорить не только о том, что именно римская экспансия явилась решающим фактором

в формировании античной системы сельскохозяйственных орудий на фракийской территории, но и о «качественном скачке», который отмечается в этой сфере, по сравнению с предшествующим периодом, уже в I в. н. э. Подтверждение такому выводу Л. Дуков находит в «почти полном сходстве типов» сельскохозяйственных орудий труда этого времени, происходящих из восточнобалканских земель, Дакии, Центральной Европы и Северного Причерноморья, что объясняется, по его мнению, «широким восприятием италийского инструментария, принесенного римскими колонистами»⁸.

Наличие связи между изменением форм некоторых типов сельскохозяйственных орудий и римским влиянием во фракийских землях в первых веках н. э. представляется бесспорным. Говорить об этом, действительно, позволяет, в частности, сопоставление обнаруженных здесь наральников и серпов античного времени с орудиями аналогичного предназначения, происходящими из раскопок городов и поселений Северного Причерноморья⁹. Но возможность прийти к такому выводу дает не усматриваемое Л. Дуковым сходство, а, напротив, существенное различие форм сельскохозяйственных орудий первых веков н. э. В последние столетия I тыс. до н. э. и во фракийских землях¹⁰, и в Северном Причерноморье при пахоте использовали один и тот же тип черешковых наральников с относительно небольшой, как правило, листовидной рабочей лопастью, а урожай убирали серпами с плавно отогнутой внутрь задней частью клинка. В Северном Причерноморье, судя по данным археологии, эти формы остаются основными и в первых веках н. э. Известными нам исключениями являются лишь найденные в Танаисе в слоях III в. н. э. серп¹¹ и втульчатый наконечник¹², причем последний относится к совершенно иному типу, чем наральники из восточнобалканских земель. Во Фракии же и в Нижней Мезии в этот период получают широкое распространение, наряду с листовидными, черешковые наконечники с массивной подтреугольной рабочей частью¹³, появляются, как было отмечено, втульчатые наральники, а подавляющее большинство серпов имеет уже рукоятку, отогнутую наружу¹⁴. Именно эти орудия труда и обнаруживают большое сходство с наральниками и серпами из самой Италии, а также тех провинций, где римское влияние, несомненно, было значительным.

Правомерность результатов подобного сопоставления, безусловно, нуждается в подтверждении более массовым археологическим материалом, особенно из Северного Причерноморья. Но в свете современного состояния источниковой базы отмеченные различия выглядят значительными и могут быть объяснимы, в частности, разной степенью воздействия Рима на хозяйственную жизнь населения фракийских земель и античных государств Северного Причерноморья. Повсеместное использование земледельцами Нижней Мезии и Фракии римско-италийских форм сельскохозяйственных

орудий труда представляется убедительным свидетельством экономической романизации сельского населения восточнобалканских провинций.

Однако нельзя согласиться с утверждением Л. Дукова, что появление римлян во фракийских землях привело к «качественному скачку» в процессе формирования здесь системы земледельческих орудий, тем более, применительно к I в. н. э.¹⁵. Во-первых, в специальной литературе не упоминаются орудия труда, которые можно было бы однозначно датировать именно I в. н. э., во-вторых, подобное представление совершенно не согласуется с общей картиной состояния экономики на данной территории в начальный период римского господства. Воздействие Рима на экономическое развитие Нижней Мезии и Фракии сказывалось постепенно, по мере колонизации и урбанизации фракийских земель, и, определяя его масштабы, следует обязательно сопоставлять материал первых веков н. э. с данными, относящимися к более раннему периоду. Только при этом условии можно аргументированно говорить как о римском влиянии, так и о фракийских традициях в земледелии Нижней Мезии и Фракии.

О романизации сельской жизни свидетельствует и распространение во фракийских землях в первых веках н. э. поместий, устроенных по примеру италийских сельских вилл (*villae rusticae*). Их исследование обеспечивает возможность не только существенно расширить представление о развитии различных отраслей экономики, организации хозяйственной деятельности, аграрных отношениях в провинциальных землях, но и в ряде случаев вполне аргументированно судить о социальной принадлежности владельцев, управляющего и рабочего персонала сельских вилл. Поэтому вопрос о том, насколько типичными были такие хозяйства для тех или иных провинций, носит с точки зрения изучения социально-экономической организации общества Римской империи во многом принципиальный характер.

К настоящему времени на территории Болгарии, охватывающей основную часть древних фракийских земель, открыто около 40 сельских вилл первых веков н. э.¹⁶. На первый взгляд, это число может показаться незначительным, особенно по сравнению с такими областями Римской империи, как, например, Галлия или Испания, где количество известных вилл определяется сотнями. Однако следует учитывать, что Болгария относительно невелика, к тому же более четверти ее площади занимают горы. Кроме того, систематические раскопки в сельских районах Нижней Мезии и Фракии начались сравнительно недавно, и вполне вероятно, что со временем число обнаруженных там вилл может возрасти. Этого можно ожидать как вследствие дальнейшего исследования тех областей, где виллы уже известны, так и в результате раскопок в районах, пока недостаточно изученных в археологическом отношении, например, на Юго-Востоке Болгарии — едва ли не единственной

равнинной части страны, где виллы до сих пор не найдены. По мнению болгарских ученых, в первых веках н. э. характер исторического развития этого района во многом определялся сохранением устойчивых фракийских традиций. Данный фактор, действительно, мог существенно ограничивать возможность распространения там типично римских форм организации хозяйственной жизни. Но нужно иметь в виду, что как раз в этой части Фракии находился Деултум — единственная в пределах современной Болгарии надежно локализованная колония ветеранов римской армии¹⁷, многие из которых вполне могли устроить свои поместья именно по примеру италийских сельских вилл.

Заметим также, что определяя место сельских вилл в провинциальной экономике, необходимо учитывать и археологические материалы, свидетельствующие об их производственном потенциале. Судя по всему, многие из этих поместий не только могли играть существенную роль в обеспечении населения продовольствием, тягловой силой, некоторыми важными видами ремесленного сырья и готовыми ремесленными изделиями, но и сами предъявляли широкий спрос на те виды продукции, в которых нуждались владельцы, управляющий и рабочий персонал вилл, стимулируя таким образом активизацию городской экономики, торговли и, в результате, общий экономический подъем в восточнобалканских провинциях, характерный для II в. н. э. и особенно ощутимый в первые десятилетия следующего века. При этом показательно, что открытые на территории Нижней Мезии и Фракии виллы распределяются между этими провинциями приблизительно равномерно. Все это позволяет не только говорить о том, что сельские виллы получили там повсеместное распространение, но и усматривать в этом явлении важный фактор социально-экономического развития фракийских земель в первых веках н. э.

В заключение обратим внимание на то, что среди владельцев вилл, несомненно, были и фракийцы. Так, можно, видимо, считать доказанным, что фракийской фамилии принадлежала вилла I—V вв. н. э., открытая на месте современного водохранилища в местности Чаталка у с. Яворов Хасковской обл. (территория античного города Августа Траяна). Ее хозяевам принадлежал и раскопанный неподалеку от комплекса жилых и хозяйственных построек курганный некрополь с характерным для фракийцев обрядом погребения. Найденные в захоронениях ювелирные изделия восточного происхождения, бронзовые сосуды и светильники из Италии, оружие и различные предметы воинского снаряжения, а также материалы раскопок самой виллы позволяют видеть во владельцах усадьбы состоятельных людей, чьи вкусы и запросы формировались под влиянием не только фракийских традиций, но и знакомства с достижениями жителей других областей Империи¹⁸. Несомненное сходство

археологического материала, происходящего из раскопок сельских вилл и расположенных в непосредственной близости от них фракийских курганных некрополей, зафиксировано и в ряде других мест: у сел Невестино Софийской¹⁹ и Могилец Разградской²⁰ областей, а также в Софийском квартале «Обеля»²¹. Не исключено, что фракийцу принадлежала и вилла, раскопанная у г. Павликени, где в первых веках н. э. функционировал один из крупнейших в восточнобалканских землях керамический комплекс²².

Приведенные данные, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствуют об экономической романизации жителей сельских районов Нижней Мезии и Фракии, причем усвоение римско-италийских хозяйственных форм представляется характерным и для определенной части местного, фракийского населения восточнобалканских провинций Рима.

Примечания

- ¹ *Кудрявцев О. В.* Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. — М., 1957. — С. 160–161.
- ² *MacMullen R.* Peasants, during the Principate//Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. II. Principat. Bd. 1. — В.; N.Y., 1974. — P. 253–254.
- ³ *Выжарова Ж. Н.* О происхождении болгарских пахотных орудий. — М., 1955. — С. 32, 50–53.
- ⁴ *Там же.* — С. 43, 49, 51–52.
- ⁵ *Дуков Л.* Земеделието и земеделските железни оръдия в българските земи през античността//Известия на Етнографския институт с музей. — 1965. — Т. 8. — С. 161–164, 167–168, табл. 4, 6; *Станчев Д.* Находка на железни предмети от с. Стамболово, Русенски окръг//Годишник на музеите от Северна България. — 1985. — Кн. 11. — С. 31, обр. 1.
- ⁶ *Дуков Л.* Земеделието... — С. 155; *сгцият.* Характерът на културно-историческото наследство от железни части на земеделските оръдия в българските земи //Етногенезис и културно наследство на българския народ. — София, 1971. — С. 94.
- ⁷ *Дуков Л.* Земеделието... — С. 150–175.
- ⁸ *Дуков Л.* Характерът... — С. 94–95.
- ⁹ *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1953. — С. 105–112; *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. — М., 1975. — С. 163–176; *Античные государства Северного Причерноморья*/Отв. ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. — М., 1984. — С. 154, 242, табл. 55 и др.
- ¹⁰ *Čičikova M.* Au sujet du soc Thrace//Apulum. — 1968. — Vol. 7. — P. 120–121, ill. 4; *Чичикова М.* Тракийска могилна гробница от с. Калояново, Сливенски окръг (IV в.

- пр. н. е.)//Известия на Българския археологически институт. — 1969. — Т. 31. — С. 60–61, обр. 16; *Николов Б.* Колективна находка от железни предмети от халчатската епоха до гр. Криводол//Археология. — 1970. — Кн. 1. — С. 53–54, обр. 3; *Никулицз И. Т.* Северные фракийцы в VI–I вв. до н. э. — Кишинев, 1987. — С. 225, рис. 28 и др.
- ¹¹ *Античные* государства Северного Причерноморья... — С. 242, табл. 55, рис. 29.
- ¹² *Там же.* — С. 242, табл. 55, рис. 8. Два аналогичных узколопастных наральника найдены на черняховских поселениях Каменка-Анчекрак и Березанка в окрестностях античной Ольвии, см.: *Сельская округа Ольвии/Отв. ред. В. А. Анохин.* — К., 1989. — С. 204–205, рис. 76, 1, 2; *Никитина Г.Ф.* Земледелие в черняховской культуре//Российская археология. — 2006. — № 4. — С. 44, рис. 3.
- ¹³ *Дуков Л.* Земеделието... — С. 159–161, табл. 3; *Canarache V.* Unelte agricole pe teritoriul Republicii Populare Române în epoca veche//Studii și cercetări de istorie veche. — 1950. — Т. 2. — Р. 100–101, fig. 16; *Развитие* на земеделието по българските земи/Съст. И. Венедиков. — София, 1981. — С. 86, фиг. 13 и др.
- ¹⁴ *Дуков Л.* Земеделието... — С. 171, табл. 7 и др.
- ¹⁵ *Дуков Л.* Характерът... — С. 94.
- ¹⁶ *Мартемьянов А. П.* К вопросу о количестве сельских вилл римского времени, найденных на территории Болгарии//ВХУ. — 2003. — № 594: История. — Вып. 35. — С. 35–41. К этому числу следует добавить и *villae rusticae*, обнаруженные на территории северной, ныне румынской, части Добруджи, в первых веках н. э. также входившей в состав Нижней Мезии, см.: *Baumann V.* Ferma romană din Dobrogea. — Tulcea, 1983. — Р. 147–148; *Bărbulescu M.* Viața rurală în Dobrogea romană. — Constanța, 2001. — Р. 283 și tabelul de la p. 291–305.
- ¹⁷ *Балабанов П., Петрова С.* Довелт — Деултум — Девелт//Римски и ранновизантийски градове в България. — София, 2002. — С. 237–249.
- ¹⁸ *Буюклиев Х.* Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг //Разкопки и проучвания. — 1986. — Кн. 16; *Nicolov D.* Roman villa rustica near Chatalka, Stara Zagora, Bulgaria. — Oxf., 1976. — Р. 64–65.
- ¹⁹ *Геров Б.* Земевладението в римска Тракия и Мизия (I–III в.)//Годишник на Софийския университет. Факултет по класически и нови филологии. — 1977 (Вых. 1980). — Т. 72. — Кн. 2. — С. 127.
- ²⁰ *Гинев Г.* Некропол от римската епоха при с. Могилец, Търговищки окръг //Археология. — 1986. — Кн. 4. — 18–26.
- ²¹ *Станчева М.* Вила рустика в кв. Обеля в София//Археология. — 1981. — Кн. 1–2. — С. 67–68.
- ²² *Античен* керамичен център Павликени. — София, 1977. — С. 3.